

Эпоха в пейзаже

Дом А. С. Хомякова на Собачьей площадке. 1951.

Эммануил Борисович Бернштейн рисует Москву 65 лет. Он должен был стать архитектором и действительно начинал под руководством самого Жолтовского. Но больше всего он любил не «делать домики», а изображать их, и «не надо ему было мешать». Именно с такой — взятой мною в кавычки — формулировкой академик Иофан отпустил на вольные хлеба молодого специалиста, бывшего курсанта минометной роты, половину Отечественной запечатлевавшего на бумаге разрушенные фашистами памятники нашей культуры.

А еще прежде был альбом зарисовок народных жилищ Балкарии... Молодой студент получил в институте задание — и добросовестно облазил далекие горы, рисуя постройки, которым вскоре предстояло исчезнуть. Именно по этой уникальной книге мастера маленькой республики возрождают сейчас национальное зодчество!

Какую судьбу загадывает себе художник, выбирая «тихую» пейзажную графику? Это зависит только от личности человека. Бернштейн сумел остаться гражданином, сохранить достоинство и при сталинизме, и при волюнтаризме... К 150-летию Пушкина он создал серию, посвященную эпохе гения. Листы были признаны великолепными, вот только фамилия автора вызвала возмущения высочайших цензоров. Не стал художник отрекаться от своих корней, и весь тираж пошел под нож... Чудом в полузаброшенном подвале (!) он однажды набредет на часть этих рисунков. Знак Провидения? Может быть.

Москва для Бернштейна — несомненно, живое существо, и он общается с ней в совершенно особой манере, интонации, принятой между ними двоими... Сотни графических листов воссоздают Москву в разные периоды ее жизни в уходящем веке, начиная с 30-х годов.

Шедевром уже успели назвать знаменитый альбом Бернштейна «Старая Москва», подготовленный по заказу мэрии столицы к юбилею города и отлично изданный «Русской книгой». Перелистаем вместе глянцевые страницы со 111 цветными репродукциями. Кремль, дремлющий в тишине... потом в разломный период строительства Дворца съездов... Зима и лето, весна и осень города. Арбат, Останкино, Кузьминки, монастыри, храмы, дворцы чудеснейшего из городов мира...

Интерьеры — особая тема. Вот где сердечная интонация автора становится совсем семейной, интимной. По-моему, никто не увидел Большой театр так, как Эммануил Борисович. «Оркестровая яма», «Главное фойе», «Зрительный зал» (притихший, в дреме утреннего безмолвия). И, наконец, совершенно особое — «Две колонны архитектора Бове за сценой»...

Но много ли проку от попытки пересказывать пейзажи, полные драматизма, передающие дух не просто эпохи, но даже мгновений нашей

Бывшая Казенная палата на Воздвиженке (XVIII в.). 1945.

странной, горькой, иногда смешной жизни — и все это через пластику зданий, улиц, через особый свет... Красочные и пастельные листы, тушь и перо, цветные карандаши, и на кончике грифеля — алмазной каплей проливающийся на лист талант.

Спасибо, Эммануил Борисович!

Алла ШУГАЙКИНА
Фото Леонида ГЛАГОЛЕВА.
Концерн «ВМ»

В ст. Москва — 1997. — 27 сев. — 94